Глава 55. Не думаю, что нравлюсь вам. Начало

Независимо от того, насколько были обеспокоены женщины в резиденции, мужчины решили, что раз уж два семейства связывает помолвка, нетрудно начать сближение. Императорский конюший Лоу был ловким человеком, в один из дней не упустив возможность самостоятельно изложить одно дело императору, в преддверии обращения к государю он был категорически приятен в своих речах о дочери рода Чэн и просил добавить этому браку немного блеска. Император был от природы снисходительным, а Чэн Ши в последнее время выполнил поставленную задачу в соответствии с его задумками, и потому он с радостью согласился. На следующий день император отправил чиновника императорского дворца, подававшего ему перо и чернила, в особняк Чэн, чтобы тот объявил высочайшую волю.

В то время для получения высочайшего указа не было такого количества ухищрений – не нужно было ставить столики для благовоний, цветы и свечи, достаточно было, чтобы человек, получающий указ, аккуратно и почтительно преклонил колени. Императорский указ восхвалял всю семью Чэн: от дорогого вельможи Чэна, который «добросердечен, заботится о слабых, умеет сражаться, но не осторожен», достигал госпожи Сяо, которая была названа “выдающейся женщиной под небесами”, а потом прямо расхваливал “старательную и добродетельную” Чэн Шаошан – «как говорили» Чэн Шаошан немного покраснела, в свое время директор ее средней школы лишь хвалил ее настойчивость и хорошую успеваемость, никогда ее еще не расхваливали за такое мягкое поведение в обращении с людьми.

По завершении объявления высочайшей воли госпожа Сяо с улыбкой на лице протянула чиновнику императорского дворца по фамилии Тэн несколько нитей золотых бус и потянула Чэн Ши, который все еще бормотал: "Его Величество не похвалил меня за то, что я был так хорош, когда докладывал о служебных делах на аудиенции…", чтобы лично сопроводить этого человека за дверь.

Выражения лиц остальных людей в зале “Ростки тростника в девять зимних дней” были разными. У Чэн Ян по всему лицу разлилось глубокое благоговение, и она мерила всех завистливым взглядом. Матушка Чэн, презрительно надув губы, молчала, затем взмахнув рукавом от злости, она утянула за собой бабушку Ху в комнаты.

Чэн Шаогун сказал со вздохом:

–Не думал, что из всех нас, братьев, самой первой похвалу Его Величества, получит, кто бы мог подумать, Няоняо!

Чэн Сун ударил его кулаком, смеясь:

–Ты ежедневно изучаешь гадательную книгу, однако не получил предсказание?

Чэн Шаогун сказал:

–Нет. Я только лишь говорю, что нашей семье весь этот год не следует выдавать дочерей замуж, лишь жениться.

–Что за вздор! Немедленно брось все это, – Чэн Сун посмотрел на стоящую сбоку Чэн Ян и, повернувшись, сказал Шаошан: – Наблюдая за поступками императорского конюшего Лоу, можно сказать, что у семьи Лоу искренние помыслы относительно этой свадьбы. С этого времени тебе следует лучше относиться к А-Яо и не командовать им все время!

Шаошан сказала с улыбкой:

–А-Яо сказал, что больше всего любит меня слушать, а если я не попрошу его сделать что-нибудь в течение дня, то он даже есть не сможет!

–Ты тоже говоришь ерунду! – с серьезным лицом сказал Чэн Юн, он смутно ощущал, что когда-то, в прошлом, когда матушка была беременна этой двойней, она определенно сталкивалась с чем-то недопустимым.

После того как дело было улажено, чрезвычайно радостный Лоу Яо начал ежедневно приезжать в семью Чэн и рассказывать о происходящем в его жизни, кроме того, всякий раз в его руках что-то было – вчера из родового поместья рода Лоу он привез свежие фрукты, сегодня вытканную в ремесленных мастерских резиденции Лоу нежную ткань – расшитый атлас, а завтра принесет со складов семьи Лоу выдержанное хорошее вино в кувшине.

Получив подарок от кое-кого, вся семья Чэн – и верхи, и низы – хвалили без умолку этого человека, даже обычно проявляющая в отношении Шаошан ехидство матушка Чэн, дотронувшись до изящной новой одежды на себе, медленно сказала бабушке Ху:

–Если вступать в брак, то в такой, как у Няоняо, пример А-Си – настолько не оправдавшая себя вещь! Я оплачиваю приданое при каждом ее браке, такое впечатление, что с меня взыскивают долг!

Шаошан также разговаривала с госпожой Сяо:

–Такая красивая парча, такая мягкая тонкая ткань, подари ее тете! А-Яо сказал, что эта техника – уникальное мастерство их семьи на протяжении многих поколений, и эту материю нельзя купить на улице.

Госпожа Сяо молча посмотрела на нее:

–…ты скучаешь по своей тете. После того, как ты поделишься с Ян Ян, ничего не останется.

–Тогда просто отдай мою долю тете! – у Шаошан что было на уме, то и на языке, но, увидев недовольное выражение лица госпожи Сяо, торопливо сказала: – Дело не в этом. Я имею в виду, что хорошо одеваться нужно только тем, кто выглядит посредственно. С такой внешностью, как у меня и матушки, даже если мы будем одеты в мешковину, останемся прекрасны! Если не веришь, спроси отца!

Госпожа Сяо засмеялась и сказала:

–Как ты смеешь так наговаривать на свою тетю! Берегись, я могу сказать ей об этом, – редкий случай, когда ей не хотелось отругать дочь за непослушание.

Шаошан беспомощно вздохнула:

–Я уже давно дразню ее, а тетя абсолютно не принимает все близко к сердцу, она даже отругала меня – какой ей смысл говорить, что она выглядит лучше, чем я, ведь она каждый день обедает с людьми и они красивее, чем те люди, на которых мне придется смотреть десятилетиями!

Госпожа Сяо фыркнула:

–Это действительно то, что может сказать твоя тетя! – но в глубине души она подумала, что Лин Буйи намного красивее Чэн Чжи. Если бы можно заполучить этого человека, не говоря уже о семье Чэн, вся столица была бы у ее ног.

Человеческое сердце действительно самая странная вещь в мире. Если бы она ничего не знала раньше, госпожа Сяо не думала бы об этом, но теперь она не могла не думать об этом. Однако, в конце концов она была решительным человеком и, подумав немного о бесполезных вещах, откладывала их подальше, а видя довольный вид дочери, она только вздыхала, удвоив усилия по планированию свадьбы.

По обычаю того времени после помолвки две семьи устраивали отдельные банкеты – приглашали родственников и друзей каждой семьи и, кстати, будущего мужа/невесту представляли публике – в ту эпоху не существовало даже понятия о такой вещи как информирование кого-то в Поднебесной о намечающемся торжестве с помощью удобного средства коммуникации. Между помолвкой и свадьбой проходит длительный период времени, если кто-то не знает (или делает вид, что не знает), сам виноват.

У семьи Чэн было не так много родственников и друзей в столице. Вместе со своими коллегами и несколькими доверенными лицами, которых привел Вань Сунбай, а также несколькими военными офицерами и их семьями, они смогли собрать лишь скромный банкет на сорок или пятьдесят человек, даже императорского конюшего Лоу не смогли напоить допьяна. В тот день, когда семья Лоу устраивала банкет, они обратили внимание на то, что перед входом в дом семьи Лоу экипажи и палантины собрались как пышные облака, Чэн Ши не смог сдержаться и вздохнул:

–Смотрите на это великолепие – вот это могущество!

Неожиданно Вань Сунбай сбоку громко вздохнул:

–Во всем виноват старший брат!

А?! Жених из процветающего рода, какое, хоть малейшее, отношение имеет к нему этот почтенный? Обе семьи Вань и Чэн посмотрели на него, как вдруг толстопузый главнокомандующий Вань с печальным выражением лица сказал:

–Знал бы, что это произойдет, то как твой старший брат не выдал бы замуж десяток своих дочерей, кого на запад, а кого на восток, вышли бы они замуж в окружности столицы, и сейчас зятья собрались бы все вместе и третьего дня укрепили бы репутацию семьи моего младшего брата! Терпеть не могу этого из семьи Лоу!

Все на мгновение были ошеломлены, а затем рассмеялись!

Госпожа Сяо вытерла слезы от смеха в уголках глаз, повернулась и прошептала Шаошан:

–Только по-настоящему преданный друг может оказать взаимопомощь и поддержку, но это бывает так редко, например, такого, как дядя Вань, и одного достаточно будет.

Шаошан молча кивнула.

Во дворе резиденции Лоу, были расположены два ряда очень обширных зданий, построенных друг напротив друга и разделенных пышными декоративными цветами и деревьями, и узким прямым коридором, соединяющим их, а если смотреть сверху, то все выглядит как наклонная буква Н. Гости женского пола располагались в комнатах в левом ряду, а гости мужского пола — в правом.

Словно забыв о том дне, когда они спорили, старшая госпожа Лоу с сердечной теплотой водила за собой Шаошан и ее мать, прохаживаясь и показывая все комнаты, немного погодя она представила им нескольких родичей со стороны своего отца, через некоторое время с уважением подвела их к месту с уважаемыми пожилыми женщинами. Шаошан по своим летам была самой младшей в своем поколении, и сразу же, встречаясь с людьми, она приветствовала их, и, наклоняясь, так много раз делала поклоны, что в конце концов у нее кружилась голова. Как бы там ни было перед ними появился седой старик на вид восьмидесяти с лишним лет. Старшая госпожа Лоу, торопливо взяв с собой Шаошан, прошла в начало галереи и принялась класть земные поклоны, приговаривая: “Как дела у старого дядюшки хоу?”.

Этот старый хоу Бань был старшим братом уже скончавшейся бабушки Лоу Яо со стороны его отца, и, пожалуй, во всей столице был самым старым человеком, обычно Его Величество жаловал ему особые продукты питания и лекарства, император никогда не забывал про долю этого пожилого человека.

Старый хоу Бань из-за своего возраста имел странный внешний вид, ожидая, пока Шаошан встанет после того, как поприветствует его, он некоторое время мерил взглядом кое-кого позади нее, а затем скривив рот уже без каких-либо зубов, громко рассмеялся, хлопая по плечу стоявшего рядом Лоу Яо, проговорил:

–Псина, твоя молодая невеста очень красивая! Я раньше говорил тебе, что нужно взять в жены красивую невесту? Это крайне важно! Вот то ничтожество женилось на замужней женщине, и потому он так рано ушел…

Лицо Лоу Яо стало красным, и он, сложив руки, поклонился, не осмеливаясь спорить, глядя на бледное лицо старого хоу Баня, белолицый молодой человек, поддерживающий его, беспомощно сказал:

–Дедушка, это младший двоюродный брат А-Яо из семьи Лоу, он не скончавшийся отец!

Старшая госпожа Лоу горько вздохнула сквозь слезы, вторая госпожа Лоу однако сияла от радости, неоднократно расхваливая почтенного старца, насколько он был проницателен! Чтобы помешать старику продолжать говорить неуместные вещи, Лоу Яо и молодой хоу Бань быстро увели старика.

После того, как различные приветствия были завершены, Шаошан, Чэн Ян и Вань Цици по обычаю были уведены служанкой в боковой зал, где находились молодые барышни.

Чэн Ян волновалась, дергая Шаошан за рукава и говоря:

–Если сегодня кто-то будет снова наговаривать на нас, мы прямо отправимся искать старшего дядю. А тебе во чтобы то ни стало не нужно сердиться!

Вань Цици недовольно сказала:

–Чего бояться! Замечательный день, какой неправильно переродившийся пес посмеет унижать меня! Вам не стоит волноваться – смотрите на меня!

Шаошан вздохнула и сказала:

–Старшая двоюродная сестра, не беспокойся, сегодня я не собираюсь ни с кем ссориться и уж тем более не буду драться. Старшая сестрица Цици, тебе тоже не стоит двигаться в этом направлении, в комнате недостаточно девушек, чтобы они тебя могли победить.

После того, как они вошли в боковой зал, все находящиеся в комнате молодые барышни, облаченные в красные и зеленые наряды, подняли глаза на входящих, Шаошан прищурилась в улыбке, ведя за собой Чэн Ян и Вань Цици, образцово поприветствовала все собравшееся общество. Все девушки в ответ одна за одной вежливо поклонились им. Сидевшая в углу комнаты Лоу Ли медлила, не желая соблюдать правила этикета, но очевидно, если она не сделает этого, то в будущем она получит нелегкую головомойку.

Самым удивительным было то, что стоявшая рядом с ней Ван Лин подошла на шаг и, с широкой улыбкой взяв Шаошан за руку, проговорила: “В тот день произошло недопонимание, это моя вина, сестрица!”, Шаошан была восхищена умом этой девушки.

Сегодня был, наверное, самый спокойный и мирный банкет, который когда-либо посещала Шаошан с момента своего “дебюта”. Девочки ели, пили, болтали и смеялись. Они не говорили ничего неприятного и не поднимали неуместных тем. Шаошан была очень довольна, изначально она не хотела поднимать шум каждый раз, когда появлялась в общественном месте.

Вань Цици, что была в хорошем настроении, похвасталась игрой на флейте младшей сестры своей семьи, и Шаошан, следуя уговорам девушек, достала свою любимую зеленую бамбуковую флейту и сыграла музыкальную пьесу – звук флейты был похож на дуновение ветерка в пустой

долине и мелкий дождь весеннего дня, полный нежности и тепла, и заставлял слушателей улыбаться, как будто они вспоминали самые нежные и прекрасные детские воспоминания.

Звуки музыки достигли центрального зала, и находящиеся в зале женщины замедлили свои движения, прислушивались с нежным выражением лица, восхищаясь искренне в сотни раз по сравнению с тем, как они чуть раньше обменивались приветствиями с госпожой Сяо.

После того, как песня закончилась, девушки в зале посмотрели на Шаошан с добротой в глазах, и все задавались вопросом, как девушка, которая могла играть такую трогательную мелодию, могла быть такой отвратительной и смешной, как гласили слухи?

Шаошан опустила голову, поглаживая флейту, и слегка улыбнулась.

Она впервые осознала, что, возможно, не только от деда, старого господина Чэна, ей передался по наследству талант, скорее всего, у нее самой изначально был какой-то музыкальный ген. Только в прошлой жизни она жила грубой и варварской жизнью, жизнью радикального негодования, и, кроме целенаправленной учебы, учебы и еще раз учебы, она никогда не наслаждалась никаким другим обучением, музыкальными инструментами, пением, живописью, танцами… она никогда не пробовала ничего из этого.

Просто учиться для души, ради любви и красоты – эти вещи, над которыми она когда-то насмехалась, оказались такими радостными.

–…ого, это не одиннадцатый ли молодой господин?! – крикнула какая-то девушка. Словно светлячки, гоняющиеся за источником света, девушки внезапно слетелись, скопившись на перилах восточного окна.

Шаошан тоже встала и сквозь промежутки между головами девушек увидела Лин Буйи, стоящего довольно далеко в одиночестве на террасе дома напротив, его одежда развевалась. Сквозь прямой коридор длиной в десятки чжан выражение лица молодого и красивого генерала не было ясно видно. Но его фигура была высокой, как сосна, и под палящим весенним солнцем выглядела красивой, словно сон.

Одна молодая девушка, прижав руки к груди, нежно вздохнула:

–У меня сердце болит! Лицо одиннадцатого молодого господина, даже когда я выйду замуж за другого, не смогу забыть в течение всей своей жизни!

Другая девушка со слезами на глазах грустно сказала:

–Даже если я трижды выйду за кого-то, мое сердце все равно будет разбито!

–А я даже если выйду замуж десять раз, все равно не забуду… – горько жаловалась одна другой девушка.

В это время Ван Лин, хранившая молчание до сих пор, внезапно сказала, смеясь:

–Шаошан, а ты?

–Дай-ка мне подумать… – Шаошан один за другим зажала пальцами отверстие на бамбуковой флейте, потом притворяясь, что хлопает себя по груди, воскликнула: – А я говорю, что не скорблю душой, ведь на самом деле я изменила своей привязанности!

Как только эти слова прозвучали, молодые барышни, все в горе и обиде, одна за другой разразились смехом, мгновенно сметая с себя грусть.

Все девушки снова сели на места, потому что обнаружили, что им всем нравится один и тот же идол, теперь же шутили и болтали более непринужденно и оживленно. Чэн Ян наконец-то отложила все свои беспокойства и завязала знакомство со стеснительной и робкой девушкой, просто разговаривая с ней; Вань Цици хвасталась перед тремя или пятью младшими сестрами, которые были еще подростками, легендарным инцидентом, в котором она в одиночку избила четырех разбойников.

Шаошан держала в руках чашу с горячим бульоном с просом, и была немного задумчива.

На самом деле в этом мире так много прекрасных вещей – поперечная флейта, издающая красивую музыку при нажатии на отверстия, ивовые сережки, которые летят, как снежинки, когда дует весенний ветерок, медные ступеньки в коридоре, которые слегка приподнимаются, когда наступаешь на них, красное лицо Лоу Яо, когда дразнишь его, и он не может сопротивляться... и Лин Буйи. Он был очень хороший человек, и поистине прекрасно наблюдать за ним издалека.

Неизвестно, как долго она блуждала мыслями, когда мелкими шажками с улицы зашла Ляньфан, тихонько наклонилась к уху Шаошан и прошептала несколько фраз. Шаошан почувствовала себя глупо на несколько секунд, а потом отреагировала: что? Он спрашивает ее?!

Сейчас все красавцы-мужчины настолько непоследовательны, неужели он не должен, как Юань Шаньцзянь, спокойно ожидать на скале около пруда? Очевидно же, что это так несерьезно – позволить служанке передавать послание! Неужели у нее настолько с ним близкие отношения, что она, потеряв стыд и совесть, в доме жениха спокойно пойдет на тайное свидание с чужим человеком?!

Ляньфан прошептала:

–Господин Лин сказал еще три фразы. Во-первых, он действительно хотел бы просто поговорить с Вами. Во-вторых, он сказала, чтобы княжна не беспокоилась… он… господин Лин объяснил, что он не причинит вам вред, а просит, просит Вас довериться ему.

Шаошан на мгновение испугалась, затем снова прикоснулась к отверстиям флейты, спрятанной в рукаве, от первого к последнему, и мягко улыбнулась. На самом деле она ему

поверила, но…

–Я не пойду. Пойдешь ты и скажешь ему, что это недопустимо, и все, – досадно, но она была недостаточно романтична, чтобы так искушать судьбу, она засмеялась и спросила: – Кстати, разве было не три фразы? Какая же третья?

Маленькая служанка с удрученным выражением лица, запинаясь, сказала:

–Господин Лин сказал, что если не придете, он сразу же пойдет разыскивать Вас. И тогда это сможет вызвать беду, Вас ожидает расторжение помолвки, и он тогда легко возьмет Вас замуж… и он предположил, что если Вы не придете, он воспримет это как согласие на брак!

Не смея поверить услышанному, Шаошан чуть приоткрыла рот, и ее глаза широко распахнулись.

http://tl.rulate.ru/book/77281/3712735